

Алекс*Про

АНТИДОТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Alex PRO
Антидот. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Alex PRO

Антидот. Сборник / Alex PRO — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Иногда для осознания надвигающейся беды достаточно открыть глаза и назвать вещи своими именами. Горькие слова — лекарство, сладкие слова — отравы, - гласит китайская пословица. Действие происходит в непростом настоящем и в зловещем будущем, которое вполне себе возможно. Если сидеть, сложа руки. Надеюсь, что эти горькие отчаянные рассказы станут своего рода прививкой для тех, кто способен думать. Или антидотом. И отравленных известными ядами в нашем стремительно наступающем будущем станет меньше. В оформлении обложки использованы личные фотографии. Содержит нецензурную брань.

Содержание

AlexPro	5
КРУИЗ	5
ОВСВГ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

AlexPro АнтидоТ

КРУИЗ

– Ни хрена это не Сирия, – пробормотал лейтенант. – И пролив тогда был не Босфор... Он стоял на плечах Наилья, самого длинного в каюте. Два круглых иллюминатора с тяжёлыми, откидывающимися вверх, чугунными крышками находились в левом углу под самым потолком. Спальные места в три яруса располагались с другого края, почти напротив санузла. Лейтенант рассказывал, что впервые увидел небо, только когда прибыла Мишкина команда. Понятно, чего уж там – на три с лишним метра никто подпрыгивать не научился.

– Ну и дурак, – сказал тогда Кузя, – открутил бы лежанку, привалил к стенке и всё!

– Давай! – позлорадствовал лейтенант. – Умник, бля, нашелся!

Все болты и винты в каюте были с какими-то хитрыми головками с маленьким «солнышком» посередине. Без специнструмента не подступишься. Кузя некоторое время прилаживался то со своей заточенной пряжкой, то с оторванной в душе крепёжкой для лейки, но и у него ничего не вышло.

– Откуда ты знаешь, как выглядит Босфор? – спросил его Мишка. – Ты ж там никогда не был!

– Я в Турции был, – ответил лейтенант, – два раза в детстве, флаг их знаю.

Сам Мишка в географии был не Копенгаген. Он и экзамены-то в своей путяге-колледже добросовестно прогулил. Что уж там говорить!?

– Так и будете всю жизнь со смартфонами? – зло спросила их на выпускном пьяненькая директриса.

– Так и будем! – весело отвечали ей. – А хули?

Как это было давно. А прошло-то всего ничего – меньше года...

– Сейчас-то что видите? – крикнул снизу ёрзающий под лейтенантом Наиль. Весил тот немного, благо был хоть и нагл, но тщедушен. – Надоело уже держать Вас!

Наиль был единственным из обитателей каюты, кто называл лейтенанта на Вы. Возможно от того, что тот сразу попал в войска, а не в учебку, как остальные. Хоть и сам Наиль прослужил немногим больше лейтенанта. Те же полгода. А возможно от того, что лейтенант пошел в армию после университета, а деревенские родители Наилья с детства внушили ему уважение перед образованными людьми.

– Вижу море. Или океан. Хрен его знает. И эту сраную подлюдку. Там же. Между нами и берегом. Далеко. Похоже, стоим уже третий день. Если к вечеру ничего не изменится, то давайте уже сегодня...

На палубу их не пускали. Судно заграничное. Предупредили сразу, что поедете в тихушку. Да и в учебке предложение не было публичным. С каждым разговаривали отдельно. Все с разных батарей. Кто наводчик, кто оператор. Наиль вообще мехвод. Познакомились уже в городе на какой-то квартире, когда малознакомый майор из штаба забирал форму и выдавал футболки и спортивные штаны.

Кузя тогда аккуратно поинтересовался, мол, всё нормально будет, а то мы как бы в увольнении?

Майор вдруг обозлился:

– Боец! Ты хочешь, чтоб в газетах напечатали, что у нас срочники воюют? Деньги получил? Вот и не вякай! Всё проведём как надо.

Денег тогда дали немного. По двадцать тысяч. Пока, мол, а там... Половину сразу забрал сопровождающий до порта. За дорогу и кормёжку в придорожных столовках. Пиво разрешалось. По чуть-чуть, для утоления жажды. Водка – категорически нет! Да и ладно. Никто и не возмущался. Курил же, как вдруг выяснилось, только сам сопровождающий, усталый пожилой кавказец.

Ночью грузились на катер. Потом, через час, на судно побольше. Там Мишка впервые увидел Натаху. Мельком в тесном коридоре, всех тогда разогнали по каютам: штормило, не заметишь, как смоет.

Ближе к утру, с заморочками, перебрались на огромный лайнер, серым слоном загадочно проступающий в тумане. Сверкающий зеркальный лифт опустил их куда-то на нижние палубы. Спросонья, да ещё под действием выданных ранее таблеток «от укачивания», Мишка не обратил внимания куда именно. Потом долго шли мягкими дорожками корабельных лабиринтов. Открывались двери, щёлкали автоматические замки. Каюта. Кажется большая. Чур, моя вторая полка. Всё потом. Спать.

Обнаруженный утром лейтенант-«пиджак» объяснил немного. Там душ, здесь туалет. Воду он пил прямо из крана, нормальная – за три дня не отравился. Поставили прививки. Кормят отлично, приносят сюда. Четыре раза в день. Какие-то нерусские. Не разговаривают вообще. Выходить нельзя, да и не получится: большую часть времени каюта заперта. Понять можно, чего уж там! Книжек несколько штук принесли. Одна, которая без обложки, на болгарском, а эти вот – все на русском. Но бабские, читать невозможно.

Примерно через два часа после обеда и сразу после ужина выпускают в отсек, или как там он у них правильно называется, прогуляться. В отсеке двери в другие каюты, а в самом конце за углом большое помещение. Без окон, но с диванами-картинами и огромным белым роялем. И никого. Звучит гудок, автоматически открывается дверь. Гуляй! Через час снова гудок, приглашающий вернуться в каюту. Вон заламинированная бумажка, там всё написано. Розеток нигде нет. Да и зачем? Все равно телефоны забрали ещё на суше. Вместе с документами.

На второй день, после завтрака, пришел какой-то лысый мужик с переводчиком. Оба белые, и оба не наши. Переводчик вообще деревянный, откуда такого взяли? Объяснили, что ситуация сложная, поэтому приходится вот так. Потерпите, посидите спокойно, скоро и до вас руки дойдут. И видеокамеры мылом натирать нельзя. Они чистые.

– Слышите, а чё вы нас так жёстко – ни туда нельзя, ни сюда? – возмутился лейтенант. – Мы, может, на смерть идём!

Лысый выслушал перевод, усмехнулся и ничего не сказал.

– Я не понял, – встревожился Мишка, когда за посетителями щелкнула дверь, – что за фигня? Это со всеми так?

Ему никто не ответил. Наутро выяснилось, что их осталось пятеро. Кислый, он же Артур, куда-то пропал.

Все этой ночью спали как убитые, никто ничего не слышал. Просыпались-то с трудом! Расспрос здоровых мужиков, приносивших завтрак, закончился разрядом тазера, после которого Кузя очухался только минут через десять. Жестикулировать следует аккуратнее. Вдобавок у всех отобрала шнурки и ремни. Что думают, с горя повеситься можем? Идиоты, бля!

Именно в тот день лейтенант заметил в иллюминатор большой белый вертолет с красным крестом, подлетающий к лайнеру. И странную, явно не нашу, подлодку.

Договорились так: после дневной прогулки все суется под вновь намыленными камерами в проходе у каюты, а Мишка прячется под роялем. Точнее «за»: у стены, позади него, как раз есть место за легкой волнующей шторой. Проверили – из-за рояля не видно. Если не вглядываться.

Ждать пришлось недолго. В коридоре послышался топот множества ног, и кают-компания заполнилась молодыми женщинами и совсем девчонками. Судя по репликам, они уже знали друг друга. Запищали дверцы встроенных шкафчиков (надо же, а мы и не в курсах!), зашуршала бумага, пахнуло кофе.

И хотя никто из них не собирался музицировать, Мишка прижался к стене и подобрал ноги.

Все говорили по-русски. Но с заметным южным акцентом и множеством украинских слов, некоторые оказались абсолютно неизвестными.

«Бандеры, бля! – поставил диагноз Мишка. – Или не бандеры?»

– Та я с Хаспры, прикинь?

– Та ты шо!?! И шо тама?

Он понял только то, что почти все они, кто раньше, а кто позже, подписали договоры о суррогатной беременности. Кое-кто был уже на небольших сроках и ожидал перевода на какую-то другую палубу.

И только трое вновь прибывших, их ещё путали по именам, оказались на судне случайно, подрядившись работать няньками или сиделками то ли в Австрии, то ли в Австралии.

– А анализы у вас в вашем Харькове брали? – спросил кто-то несостоявшуюся прислугу. На что те ответили, что конечно сдавали всё: и кровь из вены, и мазки и даже пункции из горла. И «эрвэ», и «на спид»! Всё брали. Как положено.

Старожилки сказали: «Странно!» и, как показалось Мишке, несколько загрузились.

В передвижениях будущие мамочки, похоже, были также ограничены, но регулярно посещали какой-то медицинский центр, до которого добирались на лифте. С сопровождающим. Жили каждая в своей каюте и встречались все вместе видимо только здесь – уж больно насыщенными были разговоры. Тараторили все одновременно. Мишку даже начал раздражать висящий в воздухе гул. Его всегда поражала способность женщин при встрече одновременно говорить самой и слышать при этом собеседницу.

Теперь он понял, что встроенные шкафчики и холодильники кают-компаний открывались при поднесении к ним белых пластиковых прямоугольников – ключей от персональных кают. У ребят такого не было.

Какая-то деловущая деваха, представившаяся Лилей, объясняла молодой Натахе, что выйти из каюты можно не только по сигналу. Ключ работает, надо только заранее, пока дверь открыта, залепить чем-нибудь один из трех дверных датчиков. Маленькая дырочка на правом косяке в метре от пола. А в камеры, похоже, никто особо не смотрит. Во всяком случае, за

четыре месяца она ничего такого не наблюдала ни разу. И ни от кого не слышала. Хотя поначалу очень стеснялась особенно тех, что в душевой и туалете.

«Сюда бегать мы, конечно же, не рискуем, а в гости друг к другу ходим запросто. Ты ведь с пятьсот шестой?»

– Только осторожнее, Наталка! К Лильке не только подружки ходят, а ещё полкоманды! – ехидно сказал кто-то, и все засмеялись. – И сами чёрные, и шприцы у них чёрные!

– Им, говорят запрещено с нами общаться.

– Вот камеры-то и не работают! Шобы самим не спалиться!

– А кто живёт в трёх дальних каютах? – спросила Натаха. Звонкий голос, не спутаешь.

– Да инвалиды, похоже, – ответили ей. – Молодые, но все какие-то увечные. Ты не вздумай выходить, когда их выпускают! А то заташат к себе! И всё. Не заработаешь уже. Девки, которые до нас тут жили, рассказывали. Они, эти уроды, как пьяные всё время.

– Да наркоманы, поди! Тут весь корабль – сплошная клиника, так что может и этих от чего-то лечат.

– А много вам пообещали? – снова поинтересовалась Натаха.

– Более чем! – сказал кто-то насмешливо. – На дойчах ты столько не напущаешь, это точно.

– А понравиться, могут спецконтракт предложить. На «ферму».

– Тихо!

– Да ладно, пусть девчонка будет готова!

– Да мы и сами-то ничего не знаем, если честно. Все здесь впервые, – пояснила Лиля. – Тут же конвейер. Вот переведут отсюда наверх, тогда сами всё и увидим. Чего гадать? Бери печивки с шухлядки! Не стесняйся!

Когда пропищал сигнал, и девушки разошлись по своим каютам. Мишка вылез из укрытия. Попытался открыть панели, за которыми скрывались печенье и прочее, но у него ничего не вышло. Поддался только нижний ящик, в котором стояло несколько мусорных контейнеров. Мишка сунул за пазуху упаковку чистых одноразовых мешков и побежал к роялю: уже слышались писк дверей и приближающиеся шаги.

На этот раз в кают-компанию вошли несколько человек в знакомой униформе с логотипом лайнера на рукавах. Трое мужчин и две женщины.

Пока та, что помладше, открывала и пополняла содержимым встроенные шкафы и, видимо, убирала образовавшийся мусор, вторая фальшиво стонала на большом угловом диване. Мишке не было видно, но судя по ногам, вокруг неё копошились все трое. Уже через несколько минут раздалось характерное кряхтение и на пол полетели скомканные бумажные салфетки.

Проигнорированная мужским вниманием молодуха аккуратно собрала их с ковра и забросила в бежевый пакет. Мишка заметил, как на белом густом ворсе остался лежать выпавший из нагрудного кармана пластиковый квадратик.

За все десять минут пребывания в помещении никто не произнес ни слова. Сделав свои нехитрые... дела, вся компания так же быстро и молча убралась восвояси.

Последним, еле передвигая ноги, вошел Кислый. У него было странное недвижимое выражение лица и, самое главное, отсутствовал правый глаз. Мишка сначала даже не понял этого. Думал, не рассмотрел через штору. Но действительно на месте глаза у Артура зияла обрабо-

танная чем-то серопенистым ямка. Даже черной пиратской повязки, как у других его соседей, не было.

«В два захода – одиннадцать человек, – прикинул Мишка. – И все покалеченные. Кто с перемотанным боком. Кто без конечности. Кто, как Кислый, без глаза. Как тебя, Артурчик, угораздило-то? И обдолбанные все какие-то. Как зомби. Слоняются, молча туда-сюда. Карточек, как у девок, нет. Кофе не попьешь... Нахрена им эти передвижения? Если только как у нас, чтобы прислуга могла обработать каюты в их отсутствие?»

Мишка надолго задумался...

Он не заметил, как подошло время прогулки собственной каюты.

– Ну что? – теребил его Кузя. – Видел кого? Чего молчишь, рассказывай! Мы ужин твой частично заныкали, но извиняй – будешь руками есть. Сегодня бровастый был – он посуду сразу назад требует.

– Ничего, – сказал задумчиво Мишка.

– Что «ничего»? – спросил за всех лейтенант. – Ничего не видел, что ли?

– Видел, – сказал Мишка, поправив за пазухой смотанную кольцом пару рояльных струн. – И нам надо срочно что-то делать.

ОВСВГ

Я увидел его во время седьмой командировки. В июле. Или в августе? Тем летом довольно долго стояла какая-то аномальная жара. В раскалённом мегаполисе это ощущалось особенно сильно.

Я привез тогда двух тёток, провонявших салон «Транзита» варёными яйцами и дешёвой косметикой. Принимал незнакомый мне нервный седой мужик, назвавший пароль.

Пока тётки пересаживались в крузак седого, тот как-то неестественно и напряжённо пригладил свои короткие волосы, всматриваясь за мою спину. Подаёт знак?

Я оглянулся. С другой стороны улицы, у киоска с шаурмой, стоял не кто-нибудь, а Кулёк собственной персоной, и смотрел на нас.

– Не ссы, – усмехнулся седой. – Это наш. Контролёр.

– Сам не уссысь, – огрызнулся я. – Только принял, а уже весь на измене.

Когда машина седого скрылась в потоке, я решил рискнуть и нарушить инструкции. Оставив своего форда припаркованным, я не спеша пошёл в сторону торгового центра. Время от времени поглядывая на противоположный тротуар. Кулёк немного помедлил, но двинулся параллельным курсом.

Убедившись, что он заметил, я воткнулся в толпу у входа в гипермаркет и взял продуктовую тележку. Остальное было делом времени. Кулька я больше не видел, но на кассе среди моих покупок каким-то чудом обнаружился свежий номер «Садоводства и огородничества». Бывает же! Стоит всего лишь несколько раз ненадолго отойти от своей телеги, а уже напишут всякого.

На фудкорте, между кофе и блинами, я быстро пролистал весь журнал, но ничего не нашёл. Странно. Что-то явно должно быть помечено, написано – телефон, координаты. Непонятно.

Дошло уже дома. Когда выгружал покупки. Маленький подарочный пакетик семян укропа, видимо отклеившийся от журнала и упавший на дно еще до кафе, имел явные следы кульковского вмешательства... Написанная синей ручкой длинная цифровая последовательность, после ввода в поисковик интернета, ожидаемо оказалась номером авитовского объявления о продаже какой-то рухляди. А вот телефон из этого объявления откликнулся.

Встретились вечером того же дня. В кабаке. В отдельном кабинете. Кулёк приехал один.

– Ну что, товарищ старший сержант, давно ты в... нашем... бизнесе? – спросил он первым делом.

– Прилично, – соврал я, постаравшись произнести это как можно солиднее. Чтобы не пришлось уточнять при следующем вопросе. Вернее, чтоб этот вопрос вообще не прозвучал.

У нас так: не стоит всегда говорить правду – не факт, что зачтётся правильно. А лучше вообще говорить мало. Помалкивать.

Но Кулёк про это похоже забыл. То ли он действительно был рад неожиданной встрече? То ли заимел какие-то виды на меня? Других резонов я просчитать не мог.

– Сколько лет не виделись? – неожиданно принялся он обниматься. – Тридцать? Меньше? Ну да. Один хрен, до фига!

Судя по всему, изменился за это время Кулёк не сильно. Такого хитрожопого бойца, как Боря Кульницкий, я никогда не видел. Придали нам его во взвод сопровождения перед самой поездкой. Мы традиционно, не торопясь, в предвкушении, два дня готовили свой вагон: коло-

тили нары и столы-лавки, получали довольствие и документы. А этого... недочерпака... пристегнули к моему подразделению вечером в ночь выезда. Без оружия, без харчей. Без нихера. Просто как усиливающий довесок. Как простодушно рассказал нам Боря-Кулёк, накануне его предприимчивая мама из советской торговли о чем-то договорилась с комбатом. Рос Боря без отца, и мама умела договариваться.

«Приехала с двумя сумками, – сказал Боря, – уехала без сумок и довольная. Два раза билет меняла».

Наверное, достигать соглашения с нашим видным комбатом ушлай маме ещё и понравилось. Во всяком случае, Пименов лично припёрся на отправку в два ночи, чего никогда не делал, и отозвав меня в сторону, оскалившись, сказал негромко: «Ты, сержант, с этим крапивным семенем поосторожнее. Понял меня?»

Я пробормотал что-то типа «так точно», но так до конца и не въехал. То ли опасаться этого Борика, то ли *опасать*? Пасти, так сказать. Хотя вот это слово закрывает и ту и другую позиции. Значит, будем пасти.

Я не был удивлен, что «блатного» солдатака воткнули именно ко мне.

Во-первых, дедовщины (в том понятии, как ее расписывали распоясавшиеся при Горбачёве газеты) у меня не было. Звездочкой отхватывали все. Соответственно личным заслугам, а не капризам старослужащих. И раздавал их я, а не все подряд. И как комод, а не просто так, по зову души.

Во-вторых, именно мы, овэсвэгэшники, регулярно выезжали за пределы части, сопровождая вагоны с реактивными снарядами почти до афганской границы. А для солдат нашего батальона, как и большинства остальных, даже сходить в увольнение считалось редким, почти несбыточным, счастьем.

Поэтому коллектив был спаянный, притёршийся. Терять возможность разглядывать гражданскую жизнь под стук вагонных колёс (задолго до грохота дембельского поезда) никто не желал. Да и других интересных возможностей, недоступных на арсенале, была масса.

– Жрачки на тебя не дали, автомат тоже, – сообщил Кульку Шавкатка. – Значит, будешь, сука, милостыню на станциях просить.

– Нам в Куйбышеве ящик водки к паровозу поднесут, – быстро сказал Борька и все охренели. – Надо только позвонить заранее. Можно в Кирове. Если там автомат на пятнадцать копеек имеется.

Обычно на водку, несчастный пузырь на пятерых, мы меняли тушёнку-сгущёнку. С кучей геморроя. Время-то какое – всё по талонам. Сухой, бля, закон. Да и пили мы эти сто грамм на брата больше для бравады, а не опьянения. То, что запрещено... того особенно хочется. Иногда везло с самогонкой: её выходило побольше. Но тут... Ящик! Есть от чего охреть...

– Ты не охерел, солдат? – спросил я новобранца под недоумённые взгляды сослуживцев. – Мы, блядь, в карауле!

– Так это ж не для нас, – не моргнув глазом, отвечал Борька. – На обмен. На покушать. И на заработать.

Из того, что ещё запомнилось с той поездки. На третьи сутки, когда мы стояли на задворках какой-то сортировочной, Кулёк приволок овцу. На шею. За ноги. Овца была небольшой, ещё молодой. И ещё живой. Кульницкий отоварил её какой-то трубой, но не убил, а только оглушил. И то не до конца: время от времени из овцы сыпался горох, она дёргалась и хрипела.

– Чё, Шавкатка, давай, зарежь её, – сказал тогда, кажется Витек. – Ты же должен уметь шашлык делать.

– Да идите вы лесом, – отвечал Шавкат. – Я вообще-то из Самарканда, а не из кишлака какого-нибудь. Мне её даже жалко.

– Мне не жалко, хоть она и ярка, похоже, – сказал я, вынимая штык-нож. – Я из русской деревни. Расстилайте плёнку, будете ассистировать.

Это была моя последняя поездка. Двое духов отжимались по залёту в метре от моих сапог, когда в умывальник залетел дежурный по части старлей Фишер. Замполит сто второй роты и кандидат в члены. Сам – тот ещё член. Кульницкий стоял тогда «на тумбочке» и должен был проорать «Смирно!», но замполит, по его словам, пробрался в казарму до его дежурства и просто где-то тихарился.

Как это произошло на самом деле, мне уже не суждено было узнать. Стало не до того. Я попал под кампанию «борьбы с неуставными отношениями». Нет в Уставах Вооруженных Сил СССР такого, чтобы «унижать военнослужащих младшего призыва отжиманиями от грязного, пусть и по их вине, пола и матерной бранью».

– Сиди на жопе ровно, сержант, – шипел ротный, приходя на губу. – Кампанейщина, мать её. Ещё пиджак этот... Не огрызайся. Что-нибудь решим.

Решили. Вместо широкой лычки вернули «адидаса» (прощай старшина «на дембель») и командировали дослуживать в другую часть. Где, на первое же утро, я вдруг обнаружил около кровати начищенные не мною сапоги, новые портянки, подшитый отстиранный китель и двух лопухих доходяг в мешковатом хэбэ в режиме «чего изволите». Грязно и продолжительно выругаться на всё это в той богадельне совсем не возбранялось. На Уставы там клали с прибором. Такого бардака я не видел даже в соседнем стройбате. Зато не «дизель».

– А ты давно сюда перебрался? – спросил меня Кулёк после третьего тоста. – Чем вообще после армейки занимался-то?

Я подозревал, что всё он уже про меня узнал. Такая уж у нас «фирма». Посторонним вход заказан. Ответил уклончиво, но не особо скрываясь: «Всем понемногу. Вопросы решал. Потом в ЧОПе. С пацанами организовали. Теперь вот здесь. Сопровождаю».

Кулёк заржал.

– Ты хоть знаешь, кого ты сопровождаешь? И куда?

– Понятия не имею! – ответил я как учили. Мало ли. – Нам запрещено с ними общаться. Не спрашивать. Не отвечать на вопросы. Не позволять принимать алкоголь...

– Да знаю, я знаю! – раздраженно перебил Борька. – Баб не пердолить. Мужиков тоже. Ха-ха. Ты пойми: я с тобой не просто так... беседую... Может я виды на тебя имею, продвинуть хочу?

«Надеюсь, – подумал я. – Продолжай!»

– Я в этом бизнесе далеко не последний человек, – гордо заявил Кульницкий. – От меня многое зависит, Русь. И подвернулся ты... как нельзя вовремя. Поэтому тебе вопросы и задаю.

– Откуда я знаю, что тебе можно на них отвечать? – резонно поинтересовался я. – Я только догадываться могу, кто ты есть на этом свете.

Он картинно вздохнул, покачал головой. Достал смартфон. Поводил пальцем, протянул мне: «Смотри!»

Я посмотрел.

– Убеждает? – довольно спросил он.

– Вполне. Спрашивай, Боря.

– Я уже давно не Боря. Я – ... Впрочем, пока... пусть будет, Боря... Спрашиваю: кого ты сопровождаешь? На твой взгляд. Куда и зачем? Своими словами. Как ты понимаешь?

– Сначала казалось, что понимал. Специалистов, профессионалов – на вахты. Баб? – я пожал плечами. – Тех, что помоложе – скорее всего, в блядюжники. Тех, что постарше – сиделками и поломойками. Туда. В забугорье.

– С чего так решил? – вскинулся Кулёк.

– Ну, когда их бумаги принимаешь-передаёшь... Я же видел, что иногда плюсом шли загранпаспорта. Новенькие загранпаспорта.

– А разве тебе не запрещено вскрывать пакет с документами сопровождаемых? По инструкции? Без крайней на то необходимости?

Я усмехнулся. Кульницкий продолжил с нажимом:

– И таких необходимостей, как я уточнил, с тобой не происходило, так? Это кстати была еще одна причина того, что разговаривать с тобой имеет смысл – отсутствие залётов. Так откуда выводы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.